

В. Г. Белинский

Ответ «Москвитянину»

Виссарион Григорьевич Белинский

Ответ «Москвитянину»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2770755*

Аннотация

«Ответ «Москвитянину» является одной из самых важных статей Белинского и ярким документом идейной борьбы 40-х годов. Она замыкает собой длинный ряд ожесточенных схваток Белинского с славянофилами. Статья явилась ответом на выпад против «Современника» в органе славянофилов «Москвитянине», в котором Ю. Самарин (М... З... К...) поместил резкую статью под названием «О мнениях «Современника», исторических и литературных». Самарин подверг критике статью Белинского «Русская литература за 1846 год», а также статьи – А. В. Никитенко «О современном направлении русской литературы» и К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России». Особенно резко отзывается Самарин о Белинском, давнем и непримиримом противнике славянофильства. Все свои упреки Самарин формулирует следующим образом: «...новый журнал подлежит трем важным обвинениям: во-первых, в отсутствии единства направления и согласия с самим собою; во-вторых, в односторонности и тесноте своего образа мыслей; в-третьих, в искажении образа мыслей противников». Вздорность двух последних обвинений была очевидна, и поэтому Белинский на них не задерживался в своем «Ответе». В отношении же первого, и самого важного, обвинения Белинский поставил вопрос: как понимать «единство» и «согласие»? «Ответ «Москвитянину» является одной из самых важных статей Белинского и ярким документом идейной борьбы 40-х годов. Она замыкает собой длинный ряд ожесточенных схваток Белинского с славянофилами.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	13
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Ответ «Москвитянину»

Появление «Современника» в преобразованном виде, под новою редакциею,^[1] возбудило, как и следовало ожидать, много толков и шуму в разных литературных кругах и кружках, великолепно величающих себя «партиями». Особенное внимание обращено было ими на многие статьи по отделу словесности, как, например: «Кто виноват?», «Обыкновенная история», «Записки охотника». Но до сих пор эти суждения о «Современнике» ограничивались короткими и отрывочными отзывами, иногда похвальными, чаще порицательными, мелкими нападками врасыпную. А вот теперь, во второй части «Москвитянина», вышедшей в сентябре нынешнего года, является большая статья, под названием: «О мнениях «Современника», исторических и литературных».

Если бы тут дело шло только о «Современнике», мы не видели бы никакой необходимости отвечать на эту статью. Одним журнал наш может нравиться, другим не нравиться; это дело личного вкуса, в которое нам всего менее следует вмешиваться. Но статья «Москвитянина» о «Современнике» касается основных начал (принципов) не одного «Современника», но всей русской литературы настоящего времени. Таким образом, спор или полемика теряет тут свое личное значение и переходит в борьбу за идеи. В таком случае молчание с нашей стороны не без основания могло бы быть принято всеми за тайное и невольное согласие с нашими противниками. Вот почему мы считаем себя обязанными возразить на статью «Москвитянина».

В ней рассмотрены три статьи, помещенные в первой книжке «Современника» за нынешний год: «Взгляд на юридический быт древней России» г. Кавелина; «О современном направлении русской литературы» г. Никитенко и «Взгляд на русскую литературу 1846 года» г. Белинского. Статью г. Кавелина критик «Москвитянина» силится уничтожить, выказывая ее будто бы противоречия и опровергая ее основные положения своими собственными; но самого г. Кавелина он оставляет без всякой оценки или критики. Приступая же к разбору статей гг. Никитенко и Белинского, он счел за нужное представить, в легких, но резких очерках, литературную характеристику их авторов. И достается же им от него! Впрочем, строго судя г. Никитенко, критик «Москвитянина» еще помнит русскую пословицу: «Где гнев, тут и милость»; но к г. Белинскому он беспощадно строг; он вышел против него с решительным намерением уничтожить его дотла, с знаменем, на котором огненными буквами написано: *pas de grace!*¹ В своем месте мы остановимся на этом посполитом рушении чужой литературной известности и обнаружим ее тайные причины и побуждения; а теперь начнем разбор статьи нашего грозного аристарха с самого ее начала. Грозен он – нечего сказать; но страшен сон, да милостив бог, а мы не из робкого десятка... Критика была бы, конечно, ужасным оружием для всякого, если бы, к счастью, она сама не подлежала – критике же...

Так как г. Кавелин, статья которого отдельно и с особенной подробностью разобрана критиком «Москвитянина», решился сам отвечать ему, то ответ «Современника» «Москвитянину» будет состоять из двух статей.^[2] Что же касается до г. Никитенко, он и на этот раз остается верным своему «независимому положению в нашей литературе», как выразился о нем критик «Москвитянина», и предоставляет нам ответить за него, в той мере, в какой нужно это для защиты «Современника».

В начале статьи «Москвитянина», в виде интродукции, говорится довольно темно, какими-то намеками, о каком-то «литературном споре между Москвою и Петербургом и о необходимости этого спора»; о том, что «петербургские журналы встретили московское

¹ Без пощады. – *Ред.*

направление с насмешками и самодовольным пренебрежением, придумали для последователей его (то есть московского направления) название староверов и славянофилов, показавшееся им почему-то очень забавным, подтрунивали над мурмолками», и что, «принявши раз этот тон, им было трудно переменить его и сознаться в легкомыслии». В доказательство указывается на «Отечественные записки», которые в особенности погрелись тем, что «так называемым славянофилам приписывали то, чего они никогда не говорили и не думали». В свидетели всего этого призываются «московские ученые, не разделяющие образа мыслей *московского направления*». Потом отдается должная справедливость «Отечественным запискам» в том, что «к концу прошлого года и в нынешнем, они значительно переменяли тон и стали добросовестнее всматриваться в тот образ мыслей, которого прежде не удоставляли серьезного взгляда». Вслед за тем читаем следующие строки, которые выписываем вполне: «В это самое время от них («Отечественных записок») отошли некоторые из постоянных их сотрудников и основали новый журнал. От них, разумеется, нельзя было ожидать направления по существу своему нового; но можно и должно было ожидать лучшего, достойнейшего выражения того же направления; всего отраднее было то, что редакцию принял на себя человек, умевший сохранить независимое положение в нашей литературе и не написавший ни одной строки под влиянием страсти или раздраженного самолюбия;^[3] наконец, в новом журнале должны были участвовать лица, издавна живущие в Москве, хорошо знакомые с образом мыслей другой литературной партии и с ее последователями, проводившие с ними несколько лет в постоянных сношениях и узнавшие их без посредства журнальных статей и сплетен, развозимых заезжими посетителями».

Но – увы! – ожидания «Москвитянина», или его критика, г. М... З... К...! не сбылись! «Скажем откровенно (говорит он): первый номер «Современника» не оправдал нашего ожидания. Может быть, мы и ошибаемся,^[4] но, по нашему мнению, новый журнал подлежит трем важным обвинениям: во-первых, в отсутствии единства направления и согласия с самим собою; во-вторых, в односторонности и тесноте своего образа мыслей; в-третьих, в искажении образа мыслей противников».

Остановимся на этом. Увертюра разыграна мастерски и вполне подготовила к впечатлению самой оперы; остается только слушать, восхищаться и аплодировать. Явно, что из трех важных обвинений, взводимых критиком «Москвитянина» на «Современник», в его глазах истинно важно только то, которое он не без умысла поставил последним, как менее других важное. С первых же строк статьи видно, что тут дело собственно не о «Современнике»;

Но умысел другой тут был:

Хозяин музыки любил.^[5] Что такое «московское направление», загадочною речью о котором начинается статья? Разумеется, так называемое славянофильство. Очевидно, что автор статьи – славянофил. Но он не хочет этого названия; он говорит, что его партию окрестили им петербургские журналы. Из этого видно, что он сам чувствует все смешное, заключающееся в этом слове, но он не чувствует, что слово может быть смешно не само собою, а заключенным в нем понятием и что переменить название вещи не значит изменить самую вещь. Петербургские журналы не сговаривались давать название славянофилов литераторам известного образа мыслей; вероятно, они или подслушали его у самих этих литераторов, или извлекли из сущности их учения, альфа и омега которого суть славяне, враждебно и торжественно противопоставляемые гниющему Западу. На свете много охотников называть своих противников смешными или не смешными именами. Это же и не мудрено; но мудрено дать кому-либо такое название, которое бы принято было всеми. Такие удачные названия редко выдумываются кем-нибудь, но принадлежат всем, и никому в особенности. Таково и название славянофилов. Но пусть славянофилы не будут больше славянофилами; нам это все равно: мы не видим важного вопроса не только в названии славянофилов, но даже и в

сущности их учения. Итак, пусть они из славянофилов переименуются во что им угодно, но только не в «московское направление»: этого не может допустить здравый смысл. Во-первых, выражение «московское направление» неловко и неудобно для обозначения литературной партии: как называть людей «направлением»? А во-вторых, — и это главное — почему славянофильство именно *московское* направление? Мы понимаем, что господам славянофилам, живущим в Москве, очень лестно прикрыться именем такого важного в России города, как Москва, и завербовать в свои ряды всех москвичей поголовно; но лестно ли это будет для Москвы и москвичей — вот вопрос! И что на это скажут, с одной стороны, те московские ученые, которые, по словам самого критика «Москвитянина», не разделяют образа мыслей «московского направления», но хорошее ним знакомы; а с другой стороны, лица, которые разделяют этот образ мыслей, но живут и пишут в Петербурге?.. Нам кажется, что славянофильству чуть ли не более следует название *петербургского* направления, чем московского. По крайней мере, сколько мы знаем славянофильство, оно совсем не так ново на Руси, как, может быть, думают сами последователи этого учения. Кому неизвестно, что успехи Карамзина в преобразовании русского литературного языка вызвали, в начале нынешнего столетия, партию, которая, вооружаясь против его нововведений, думала отстаивать от иноземного влияния родной язык и добрые праотческие нравы! Как вы думаете, не сродни ли эта партия нынешним славянофилам?^[6] Вот несколько стихов на выдержку из послания Василия Пушкина к Жуковскому, пьесы, по которой можно, до известной степени, судить о живости и характере борьбы двух партий нашей литературы того времени:

.....

В чем уверяют нас Паскаль и Боссюэт,
В Синописе того, в Степенной книге нет,
Отечество люблю, язык я русский знаю;
Но Тредьяковского с Расином не равняю, —
И Пиндар наших стран тем слогом не писал,
Каким Баян в свой век героев воспевал.
Я прав, и ты со мной, конечно, в том согласен;
Но правду говорить безумцам — труд напрасен.
Я вижу весь собор безграмотных *Славян*,
Которыми здесь вкус к изящному попран,
Против меня теперь рыкающий ужасно.
К дружине вопиет наш Балдус велегласно:
«О братие мои, зову на помощь вас!
Ударим на него — и первый буду аз.
Кто нам грамматике советует учиться,
Во тьму кромешную, в геенну погрузится;
И еще смеет кто Карамзина хвалить,
Наш Долг, о людие, злодея истребить».

.....

Итак, любезный друг, я смело в бой вступаю;
В словесности раскол, как должно, осуждаю.
Арист душою добр, но автор он дурной,
И нам от книг его нет пользы никакой.
В странице каждой он слог древний выхваляет
И русским всем словам прямой источник знает:
Что нужды? Толстый том, где зависть лишь видна,
Не есть лагарпов курс, а пагуба одна.

В славянском языке и сам я пользу вижу,
Но вкус я варварский гоню и ненавижу.
В душе своей ношу к изящному любовь;
Творенье без идей мою волнует кровь.
Слов много затвердить не есть еще ученье:
Нам нужны не слова, нам нужно просвещение.^[7]

Видите ли: и здесь уже люди, объявившие себя против европейского образования, названы *славянами*: а далеко ли от *славян* до *славянофилов*? Правда, с обеих сторон здесь спор чисто литературный, потому что другого тогда и не могло быть; и разумеется, славянофильская партия нашего времени двинулась дальше своей прародительницы. А где было гнездо этой старой славянской партии? – в Петербурге. Послание, из которого мы выписали несколько стихов, написано было в Москве – центре литературной реформы того времени. В последнее время славянофильство, как новое направление, резко и решительно провозгласило себя в московском журнале «Москвитянине»; но и тут оно упреждено было в Петербурге: издание «Маяка» началось годом ранее «Москвитянина». Многие славянофилы не любят вспоминать о «Маяке», как будто чуждаются его, никогда не высказывают своего мнения ни за, ни против него; подумаешь, что они и не знают ничего о существовании подобного журнала. А это оттого, что «Маяк» был самым крайним и самым последовательным органом славянофильства. Верный своему принципу, исходному пункту своего учения, он никогда не противоречил ему и логически дошел до крайних, до последних своих результатов. Он не признавал ни тени истины во всем, что хоть сколько-нибудь противоречило его основному убеждению; и если знаменитейших представителей русской литературы, от Ломоносова и Державина до Пушкина, он объявил зараженными западною ересью, вредными и опасными для нравственной чистоты русского общества, – он сделал это не по чему другому, как по строгой последовательности, строгой верности началу своего учения. В нем все было едино и цело, все сообразно с его направлением и целью: и язык, и манера выражаться, и литературное и художественное достоинство его стихов и прозы. Он больше славянофил, чем «Москвитянин», и потому имел полное право смотреть на него, как на противоречивого, непоследовательного органа того учения, которое во всей чистоте своей явилось только в нем, пресловутом «Маяке». Но этим самым, разумеется, он оказал очень дурную услугу славянофильству, потому что выставил его на позорище света в его истинном, настоящем виде; а известно, что есть предметы, которые стоит только выказать в их действительном значении и образе, чтобы уронить их, хотя это делается иногда и с целию, напротив, поднять и возвысить их в глазах общества.

Как бы то ни было, но из всего сказанного нами неоспоримо следует, что называть славянофильство «московским направлением» отнюдь не следует, потому что Петербургу славянофильство принадлежит не только не меньше, но чуть ли еще не больше, чем Москве. Отстранивши от Москвы так не впопад навязываемое ей московскими славянофилами исключительное право на славянофильство, мы действуем в ее пользу, а не против ее. Но точно так же мы не согласились бы называть славянофильство и «петербургским направлением». Только тогда можно означить какое-нибудь направление именем города, когда оно действительно есть главное, исключительное направление этого города, а все другие, существующие в нем направления, являются на втором и третьем плане, слабы, незначительны, ничтожны. Но по поводу славянофильства этого нельзя сказать ни о Петербурге, ни о Москве. В том и другом городе жили и действовали знаменитейшие представители нашей литературы, имевшие решительное и важное влияние и на литературу и на образование общества, – и они-то, между тем, нисколько не принадлежат к славянофилам. Мы знаем, что гг. московские славянофилы могут указать нам с торжеством по крайней мере на два зна-

менитые в литературе имени, как такие, которые, если бы и не принадлежали им вполне, то более или менее симпатизируют с ними – особенно на имя Гоголя, после издания его «Переписки с друзьями». Но это ровно ничего не доказывало бы в их пользу, потому что великое значение Гоголя в русской литературе основывается вовсе не на этой «Переписке», а на его прежних творениях, положительно и резко антиславянофильских. И потому гг. московские славянофилы были бы вполне верны своей точке зрения, если бы восхищались только «Перепискою», а на все другие произведения Гоголя смотрели бы косо. Но они и их приняли под свое высокое покровительство, вероятно, ради будущих, новых его произведений, которых характер заранее определяется в их глазах «Перепискою». «Маяк» никогда не обнаружил бы такой непоследовательности: если б он здравствовал доселе, вероятно, он расхвалил бы «Переписку» и простил бы за нее Гоголю его прежние произведения, но только простил бы, не отрицая настоятельной необходимости для них очистительного ауто-да-фе.

Что касается до массы русских литераторов, прежних «и теперешних, старых и молодых, они избирают местом своего жительства Петербург или Москву по разным обстоятельствам их жизни, не всегда зависящим от их воли, и уж, конечно, всего менее по уважению к тому образу мыслей, который разделяют. И потому отвести для славянофилов город Москву, а для литераторов противоположного направления – город Петербург может войти в голову только квартирмейстерам особого, исключительного рода. Как в Петербурге много славянофилов, так точно в Москве много не-славянофилов, и наоборот. Критик «Москвитянина» указывает на Петербург как на местопребывание противоположной «московскому направлению» партии, и сам же говорит, что в Москве есть ученые, не разделяющие этого направления, и отзывается о них с уважением.^[8] Странное дело: почему же направление славянофилов, живущих в Москве, «московское», а направление этих ученых, тоже живущих в Москве, да еще издавна, по словам критика «Москвитянина», не-московское?... В этом видно притязание на первенство значения, высокое уважение к своему славянофильскому значению в ущерб всякому другому значению. Мы так думаем, что право на первенство, в этом случае, может дать только преимущество таланта, а не отношение к той или другой партии... Что же ввело в заблуждение критика «Москвитянина» и заставило его выдумать «московское направление»? Неужели то обстоятельство, совершенно внешнее и случайное» что в Петербурге мало журналов, но все же есть их несколько и некоторые из них направления славянофильского, другие – не имеют ничего общего с славянофильством; а в Москве всего на все один журнал, и он славянофильский? И что поэтому московские ученые и литераторы, не принадлежащие к славянофильской партии, помещают свои труды в петербургских журналах? Нет, это не то! Тут скрываются более важные причины. Господам славянофилам нужно, необходимо, волею или неволею, навязать Москве славянофильство. По их мнению, это учение одно истинно русское, национальное, а Москва – представительница и хранительница русской народности. Итак, очевидно – что-нибудь одно из двух: или славянофильство – направление ложное, или оно московское... Москва вишь виновата! И потому, говоря так много о выражении «московское направление», мы не привязались к мелочи, а обратили особенное внимание на один из важнейших спорных пунктов славянофильства... Читатели уже видят, как крепок и прочен этот спорный пункт; но мы покажем это еще больше, обратившись к другим таким же точкам опоры направления, претендующего на звание «московского»...

Таким же точно образом, как не признаем мы этого названия, не признаем мы существования спора между Москвою и Петербургом. Правда, бывали прежде и бывают теперь споры между московскими и петербургскими литераторами, но так же точно, как и споры московских с московскими же и петербургских с петербургскими же литераторами; но ни Москва с Петербургом, ни Петербург с Москвою никогда и не думали спорить. Да из чего же бы им и спорить? Было время, когда Москва спорила с Тверью и Рязанью, но на то были свои

исторические причины, которых теперь не существует, и время это давно прошло. Петербург и Москва – оба принадлежат России и равно дороги, важны и необходимы как ей, так и друг другу. Петербург может похвалиться перед Москвою такими хорошими сторонами, каких в ней нет, и отсутствием таких недостатков, которые в ней есть; Москва, в свою очередь, может, на достаточном основании, сделать то же самое в отношении к Петербургу. Но именно то, что, кроме общих им выгодных сторон, каждый из них имеет еще свои собственные, – это-то, самое и делает их и необходимыми и полезными друг другу и должно соединять их, вместо того чтобы разделять. Подобное отношение должно быть источником не споров, а взаимного друг на друга полезного влияния. Петербург – резиденция правительства и, в административном смысле, центральный город России, хотя и стоит на одной из ее оконечностей; Петербург – окно в Европу, посредник между Европою и Россиею. Такой роли не мог бы играть город с иностранным народонаселением, как, например, Ревель или Рига, хотя бы это был и столько же огромный, как Петербург, город. Москва – центральный город России, по географическому положению. Вся северо-восточная, восточная и южная Россия и с самим Петербургом сносятся через Москву. Сверх того, Москва – город по преимуществу промышленный, торговый и, по своему университету, старейшему из русских университетов, город науки. При этом не должно упускать из виду, что Москва есть город древний, исторический, город предания, представительница народного духа. Петербург, напротив, город новый, построенный на завоеванной земле, торговая колония, разросшаяся в столицу; его почва чужда преданий; он кипит народонаселением, преимущественно наносным, приплывающим к нему из всех концов России, большею частию чисто русским, меньшею частию обруселым иностранным. Это последнее никогда не может дать ему иностранного характера, уже по одному тому, что оно состоит из людей разных наций и вероисповеданий, и потому не представляет собою сплошной массы, которая бы могла контро-балансировать с массою русского народонаселения Петербурга. Находясь под влиянием русских законов и тем более чувствуя нравственный перевес над собою массы русского народонаселения, эти иностранцы скоро делаются почти русскими, дети же их – совершенно русские, а между тем в торговле, в ремеслах, в формах жизни они приносят с собою новые, необходимые нам элементы. Благодаря морю и пароходству Петербург отделен от Европы только тремя сутками пути, а благодаря железным дорогам, без перерыва идущим теперь от Штетина до Гавра, он ближе всех других русских городов и к Парижу и к Лондону. Через Петербург передаются России все новейшие изобретения, сделанные в Европе, по части наук, искусств, мануфактур, ремесл. Таким образом, без Петербурга Москва представляла бы только крайность народного начала, не оживляемого и не умеряемого элементами европейской жизни; а Петербург без Москвы имел бы на провинцию более административное, нежели живое нравственное и социальное влияние; потому что если Петербург есть посредник между Европою и Россиею, то Москва есть посредник между Петербургом и Россиею. Называя Петербург посредником между Европою и Россиею, мы не думаем этим сказать, что, только живя в нем, можно следить за успехами наук и искусств в Европе. Напротив, это можно делать, живя не только в Москве, но и в Тамбове, и в Саратове. Но подобное наблюдение успехов ума человеческого в Европе, вне Петербурга, возможно только для отдельных лиц, а не для масс. Можно, например, и живя в Москве, знать лучший способ кладки камней и кирпичей при строении зданий; но, говорят, при постройке кремлевского дворца и храма Спасителя в Москву было привезено из Петербурга несколько работников для научения московских мастеров надлежащему способу класть кирпич при выводе стен. Без сомнения, московские архитекторы знали, как кладется в Европе камень и кирпич; а в Петербурге мастера, не заботясь об Европе, умели класть кирпич, как кладут его там.

Этот простой и ничтожный, невидимому, факт показывает, какое влияние имеет Петербург, по своей близости к Европе, не на одни избранные личности, но на самую жизнь Рос-

сии. Его роль чисто практическая; его влияние надо искать не в одних книгах, но в нравах, в образе жизни. Его замечательнейшие учебные заведения – специальные, преимущественно технические.

Естественно, что между Петербургом и Москвою должны быть существенные различия, которые должны отразиться и в литературе разностию точек воззрения на одни и те же предметы. Из этого мог бы возникнуть даже спор, о котором говорит критик «Москвитянина». Но этого спора доселе не было, хотя и бывали споры между петербургскими и московскими литераторами. Может быть, это происходит от сильного и быстрого влияния друг на друга обоих городов. Например, было время, когда московские литераторы (разумеется некоторые) упрекали петербургских за то, что те берут деньги за свои труды, а не пишут из одной любви к литературе, и еще за то, что их журналистика отличается не направлением, не идеями, а только аккуратным, своевременным выходом книжек. Если хотите, в этом факте выразилось, более или менее, различие обоих городов; но надолго ли? Еще не успел прекратиться этот спор на перьях, как причины его уже и не существовало: в Петербурге явились журналы и с направлением и с идеями, да вдобавок и с аккуратным, своевременным выходом книжек; а в Москве так же, как и в Петербурге, стали брать деньги за литературные труды, и безденежные литературные предприятия сделались невозможны; но от этого в Москве не перевелись люди с убеждениями и идеями. В сущности же весь этот спор вышел больше из того, что одних литераторов приписали к Петербургу, других – к Москве, и по ним судили о том и другом городе. Так, например, московские журналисты, в своей полемической войне с Петербургом, имели в виду преимущественно гг. Греча, Булгарина и Воейкова и как будто забывали, что, кроме их, в Петербурге жили Крылов, Гнедич, Жуковский, Пушкин, потом Гоголь – писатели, которых, конечно, нельзя было обвинять в отсутствии направления. Пушкин с самого появления на литературное поприще продавал книгопродавцам свои сочинения за неслыханные до него цены, а между тем он не был тогда журналистом; в его поэзии не выражалось ни петербургского, ни московского направления: живя в Петербурге, он, как поэт, по своему таланту, по духу, содержанию и форме своих произведений, принадлежал не Петербургу, не Москве только, а целой России. В последнее время возникла полемика по поводу славянофильства, но это отнюдь не было спором между Петербургом и Москвою. Ссылаемся на те самые «Отечественные записки», о которых говорит, в начале статьи своей, критик «Москвитянина»: он найдет там возражения и отповеди не одному «Москвитянину» или «Московскому сборнику», но и «Маяку». Сверх того, статьи против «Москвитянина» и «Московского сборника» писаны там не одними петербургскими литераторами, но и московскими; так, например, в нынешнем году напечатана там была статья московского профессора г. Грановского, в опровержение статьи г. Хомякова, помещенной в «Московском сборнике» на 1847 год; в возникшем затем споре возражения г. Хомякова печатались в «*Московском городском листке*», а возражения г. Грановского в «*Московских ведомостях*».^[9] Где ж тут спор Петербурга с Москвою! Тут столько же спор Петербурга с Петербургом и Москвы с Москвою, сколько и Петербурга с Москвою. Нет, как ни хлопочите, а никак не удастся вам обыкновенные литературные споры превратить в какую-то борьбу двух городов, и еще менее успеете вы смешать с Москвою какой-нибудь литературный кружок. Москва велика, и как ни надувайтесь, а все с нее не будете ростом, только повредите вашему здоровью и будете смешны...

Бывали когда-то в некоторых петербургских журналах насмешки над Москвою, а в московских что-то вроде не совсем приятных выходок против Петербурга. Но подобный спор мог быть только плодом юношеского, незрелого состояния нашей литературы и нашей общественной образованности. Теперь, слава богу, по крайней мере в петербургских журналах вовсе вышли из употребления наезднические возгласы против Москвы, и в патетическом и в ироническом духе. Со стороны московских литераторов (по крайней мере можно

смело поручиться за тех, которые не разделяют так называемого «московского направления») тоже не видно никаких предубеждений против Петербурга. Все совершеннолетние давно уже предоставили подобные споры о превосходстве одной столицы перед другою детям, юношам и энтузиастам. И хорошо сделали, потому что в таких спорах играли главную роль не Москва и Петербург, а маленькое самолюбие спорщиков: каждый хотел возвысить украшенный его присутствием город насчет другого... Там же, где к самолюбию при­­мешивался фанатизм теорий, не видно было ни малейшего знания ни того города, который превозносился, ни того, который приносился ему в жертву. Короче, это был спор детский, ребяческий. Петербургские журналы действительно подтрунивали над мурмолками, а московские журналы точно не подтрунивали над ними; но это не потому, чтоб мурмолки были смешны только в Петербурге, в Москве же были бы не смешны, а опять-таки потому только, что в Москве всего на все один журнал, да и тот родствен­ный мурмолкам. А что над ними смеялись петербургские журналы – в этом нет ничего предосудительного для петербургских журналов...

Смеяться, право, не грешно
Над тем, что кажется смешно.

Смех часто бывает великим посредником в деле отличения истины от лжи. Иная мысль или иной поступок совершенно оправдываются логикой; вы не соглашаетесь с их истинностью, но и не находите ничего возразить на доказательства их неоспоримой истинности. Но тут дело решает смех! Так, например, можно видеть и понимать, что вот этот господин-надел мурмолку по глубокому убеждению, которым он не шутит, которому он благородно приносит в жертву всю жизнь свою, что, он прав с своей точки зрения и защищает мурмолку с жаром, красноречиво, логически и умно; все это можно видеть и понимать – и все-таки смеяться... Можно любить человека, даже уважать его – и вместе с этим смеяться над ним... Тебя зову в свидетели, о знаменитый витязь ламанчский, вечно памятный обожатель несравненной Дульцинеи тобозской! Ты был рыцарь без пятна и страха, краса и честь кавалеров, гроза и трепет злодеев, надежда и отрада угнетенных и страждущих; благородный и великодушный, ты часто являлся мудрецом в речах своих, дышавших возвышенностью мыслей и чувств, ясностью взгляда, здравым смыслом и красноречием; храбрый воин, ты был еще и справедливым, искусным судьей! Вижу и признаю все твои достоинства, удивляюсь им – и все-таки, читая дивную эпопею твоей жизни, от всего сердца смеюсь над тобою до той самой минуты, когда, готовый из этого мира, населенного трактирщиками, волшебниками, злодеями, вассалами, рабами и рыцарями, перейти в другой лучший мир, где вовсе нет всей этой дряни, ты вдруг как бы прозрел и плачущему оруженосцу своему и будущему губернатору завоеванного тобою острова, Санхо-Пансе, сказал, что ты не рыцарь, а помещик... тогда мой смех, то веселый, то грустный, сменяется уже одною беспримесною и глубокою грустью...

Приступая к разбору статьи г. Никитенко, критик «Москвитянина» говорит, что «здесь должно быть обозначено направление журнала, то, к чему он клонит общественное мнение, мерило всех его литературных суждений и оправдание сочувствий».^[10] То же видит он и в статье Белинского, вследствие чего основательно требует, чтобы обе эти статьи выражали одно воззрение, были проникнуты одним направлением; а между тем находит в них страшные противоречия. И поэтому мы скажем несколько слов о его взгляде на статью г. Никитенко только в отношении к этим противоречиям.

Критик «Москвитянина» соглашается с г. Никитенко, что наша общественная образованность вообще отличается отсутствием мощных, широко раскрывающихся личностей, зато она расстилается в ширину и глубину, течет спокойнее, тише, как дома, и работает без шума, но работает около самых оснований. Но никак не хочет согласиться с ним насчет той

же мысли, только высказанной в приложении к современной русской литературе. Вот слова г. Никитенко:

«Взамен сильных талантов, недостающих нашей современной литературе, в ней, так сказать, отстоялись и улеглись жизненные начала дальнейшего развития и деятельности... В ней есть сознание своей самостоятельности и своего назначения. Она уже сила, организованная правильно, деятельная, живыми отпрысками переплетающаяся с разными общественными нуждами и интересами, не метеор, случайно залетевший из чужой нам сферы на удивление толпы, не вспышка уединенной гениальной мысли, нечаянно проскользнувшая в умах и потрясшая их на минуту новым и неведомым ощущением. В области литературы нашей теперь нет мест особенно замечательных, *но есть вся литература*».

На это критик «Москвитянина» возражает, что г. Никитенко, кажется, слишком снисходителен к изящной литературе. При этом кстати он вспомнил, что мысль эту читал когда-то в «Отечественных записках»; но там, по его мнению, она была кстати, а у г. Никитенко некстати, потому-де, что г. Никитенко любит искусство ради самого искусства и глубоко понимает его требования, а в этом случае удовлетворяется количеством и легким сбытом произведений взамен качества и внутреннего достоинства. Остановимся на этом. Г. Белинский неоднократно высказывал в «Отечественных записках» ту мысль, что, за исключением Гоголя, пишущего в последнее время мало и редко, в русской литературе теперь нет великих талантов, но зато есть теперь у нас литература. Г. Никитенко, независимо от г. Белинского, в статье своей, помещенной в первой книжке «Современника», по-своему высказал, и может быть, тоже не в первый раз, ту же мысль. Что можно заключить из этого факта касательно единства направления «Современника»? Ничего более, кроме того, что редактор «Современника» сходится с своими сотрудниками в одном из главных пунктов направления его журнала. Но благонамеренному критику «Москвитянина» непременно нужно было во что бы то ни стало найти тут противоречия; но как, несмотря на всю свою готовность к этому, он все-таки не мог найти в словах г. Никитенко противоречия со взглядами г. Белинского, то счел за нужное найти у г. Никитенко противоречие с самим собою... И действительно, в словах редактора «Современника» есть противоречие, но только не с самим собою, а с критиком «Москвитянина». Г. Никитенко видит в новой русской литературе нечто достойное внимания и уважения, а г. М. . З. . К. . видит в ней безобразную массу бездарных и нелепых произведений. Что сказать на это? Ничего более, как посоветывать г. Никитенко, когда он будет что-нибудь писать, посылать программу каждой своей статьи на утверждение решительного и непогрешительного в своих приговорах критика «Москвитянина»: что он у него одобрит, так тому и быть, что забракует, то вон из статьи. Это кажется единственный способ для г. Никитенко избегать мыслей и воззрений неосновательных и ложных... в глазах критика «Москвитянина». — Многие могут найти не совсем согласно с здравым смыслом подобную опеку какого-то замаскировавшегося таинственными буквами неизвестного литературного наездника над известным профессором и литератором, обладающим, по сознанию самого его противника, самобытным взглядом на предметы мысли. Нам самим это кажется так; но г. М. . З. . К. . думает об этом иначе: все, что не согласно с его образом мыслей, он считает решительным вздором. В этом отношении он не менее всех восточных людей верит в «несомненную книгу», только в отличие от них видит эту «несомненную книгу» — в себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Осенью 1846 года Н. А. Некрасов и И. И. Панаев купили у П. А. Плетнева право на издание «Современника» (нотариальное оформление от 23 октября). «Современник» был основан в 1836 году А. С. Пушкиным. После его смерти журнал перешел к его друзьям; редактором был П. А. Плетнев. Журнал влачил жалкое существование. Для Некрасова и Панаева он был истинной находкой. Панаев писал Н. Х. Кетчеру в Москву 26 сентября 1846 года: «Я купил у Плетнева журнал. Кажется, лучше этого быть ничего не может. Журнал не запачканный, глухо и неслышно тянувший свое существование и носящий такое удивительное имя!..» Под новой редакцией и при идейном руководстве Белинского журнал совершенно переродился. В 1847–1848 годах и затем в 60-е годы он был самым передовым журналом в России.

2.

Второй статьей – был ответ К. Д. Кавелина в «Современнике», 1847, т. VI, № 12, отд. III, стр. 110–134.

3.

Официальным редактором «Современника» (и в сущности его «внутренним» цензором) был А. В. Никитенко. Панаев писал об этом Н. Х. Кетчеру: «Ответственным перед правительством редактором взялся быть Никитенко, – это важно. Без такой гарантии нельзя было в настоящую минуту и приниматься за это дело».

4.

У Самарина: «Может быть мы ошибаемся», то есть без «и» (стр. 135).

5.

Из басни И. А. Крылова «Музыканты».

6.

Белинский имел в виду «Беседу любителей российской словесности» (1811–1816) во главе с адмиралом А. С. Шишковым. «Шишковистам» противостояло литературное общество «Арзамас» (1815–1818), состоявшее из последователей Карамзина. Участник общества, поэт К. Н. Батюшков, высмеял «шишковистов» в сатире «Видение на берегах Леты», в которой впервые употребил термин «славянофил».

7.

«Стихотворения Василия Пушкина». Спб., 1822, стр. 8–9. Белинский мог пользоваться также и посмертным изданием 1835 года.

8.

В Москве проживали многие друзья Белинского: В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, Н. Х. Кетчер, К. Д. Кавелин и др.

9.

Упомянутая Белинским полемика по поводу славянофильства началась в связи с выходом «Сборника исторических и статистических сведений», М. 1845, Д. М. Валугева. Сборнику была предпослана вводная статья славянофила А. Хомякова.

10.

У Самарина: «и оправдание его сочувствий»).